

МАРИНСКИЙ ТЕАТР

В прошлом номере «МО» были представлены планы театра на этот, 220-й сезон. Но завершение предыдущего сезона было очень плодотворным: помимо традиционного, уже X фестиваля «Звезды белых ночей» Мариинка показала несколько премьер. А закрылся 219-ый сезон, необычайно насыщенным событиями, 20 августа.

«БОРИС ГОДУНОВ» Мусоргского

Музыкальный руководитель и дирижер **Валерий Гергиев**, режиссер **Виктор Крамер**, сценарист **Георгий Цыпин**, художник по костюмам **Татьяна Ногонова**, художник по свету **Глеб Фильштинский**.

Борис Годунов — Е. Никитин, С. Алексашкин; **Тимен** — Г. Беззубенков, А. Морозов; **Шуйский** — К. Плужников, Н. Гасинов; **Юродивый** — Е. Акимов; **Щелкалов** — В. Герелло; **Самозванец** — Ю. Алексеев; **Варлаам** — Г. Беззубенков; **Шинкарь** — Л. Соколова.

Это уже третья постановка народной музыкальной драмы Мусоргского за годы руководства В. Гергиева. Первая и самая знаменитая была осуществлена А. Тарковским и В. Гергиевым в лондонском театре Ковент-Гарден в 1989 (вторая редакция с польским актом и сценой «Под Кромами», партитура Д. Ллойд-Джонса), а затем перенесена на сцену Мариинского театра. В 1997 В. Гергиев и А. Адабашьян впервые на марининской сцене поставили «Бориса Годунова» в первой авторской версии. Нынешний спектакль (12 мая), тоже в первой редакции, является копродукцией с театром Ла Скала. Кстати, месяц назад он был показан итальянской публике. Главную партию исполнил местный бас Ф. Фурланетто. Как и в постановке Адабашьяна, новый «Борис» идет без антракта 2 часа 20 минут.

Во время фестиваля «Звезды белых ночей» Мариинский театр представил «Бориса Годунова» в **Выборге**, в истинно декорациях Выборгского замка, которому исполнилось 700 лет.

«Поразила истовость существования не просто каждого артиста, но каждого хориста. Все действовало так, будто это не противоестественное состояние — петь и играть под носом у зрителя, а единственно возможное. «Борис» был сыгран на непривычном для театра уровне правды — жизненной и художественной. Все певцы без исключения явно ощущали себя теми реальными людьми, которых им полагало вроде бы только изображать» (Е. Третьякова, «Культура»).

«ТУРАНДОТ» Пуччини

Мариинка «обогнала» Большой театр на полтора месяца. Ранее «Турандот» исполнялась в концертном варианте.

Дирижер **Валерий Гергиев**, режиссер **Шарль Рубо**, художник-постановщик **Изабель Партио-Пьер**, художник по костюмам **Катя Дениз Дюфло** (Франция), художник по свету **Владимир Лукасевич**. В партии **Калафа** выступил В. Галузин, **Турандот** — И. Гордей. Другие партии исполнили И. Гиголашвили (**Лоу**), Г. Беззубенков (**Тимур**), А. Спехов (**Пинг**), А. Тимченко (**Панг**), О. Балашов (**Понг**).

«Турандот» — вполне красивый, стильный театралный вариант последней оперы Пуччини. Не скажу, что французские постановщики... предлагали что-то нетрадиционное, стремились разыграть собственный сверхсюжет и действовали с позиций сильной авторской воли. Нет. Они уважительно следовали за музыкой, строя статичные мизансцены, и давали возможность насладиться знаменитыми пуччиниевскими мелодиями сполна, без отвлечений на сценические эффекты...

В оформлении постановки использовались приглушенные, темные тона, избегая кричащей пышности, изыщества мишурного блеска и буйства красок, чреватого пестротой. Напротив, цветовая гамма напоминала тона расписанных стен китайского дворца в Ораниенбауме — коричневый, серый, черный с редким вкраплением пурпурного. **Реквизит** контрастно составляло лишь платье Турандот — ослепительно белое... Заключительный аккорд — появление светящегося зеленого дракона на черном фоне, составленного из отдельных частей, как в гигантской мозаике. Что создало чуть ироничный эффект сказочности происходящего.

Зрительский успех спектакль имел нешуточный, овациям не было конца. Во многом, конечно, благодаря исполнению. Услышать Владимира Галузина в партии Калафа удается не каждому. И удается ли когда еще... Репутацию одного из лучших исполнителей этой партии в мире Галузин в Петербурге подтвердил с блеском» (Е. Третьякова, «Культура»).

«Спектакль, не претендующий на ценность театралного решения, предоставил свободу музыке. Этой свободой В. Гергиев блестяще воспользовался, придав пуччиниевской партитуре с ее стилизованными татари-китайскими мелодиями оргиастическое прочтение. Оркестр Гергиева источает то томительную тревогу, то манящее сладострастие. От его зловещих фермат захватывает дух. Экспрессия звука достигает критической точки и рассыпается ярчайшим фейерверком кульминаций, которые, к сожалению, духовым даются не без помарок. Но огонь чувства превращается в прекрасный любовный гимн» (М. Бабалова, «Новые известия»).

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» Чайковского

Это — последняя, пятая оперная премьера 219-го сезона. Ее показали дважды: 14 и 15 августа. Над спектаклем трудилась французская команда: режиссеры **Моше Лийзэр** и **Патрис Корье**, сценарист **Кристиан Фенуйя**, художник по костюмам **Агостино Кавалька**, художник по свету **Кристоф Форэ**. Музыкальный руководитель и дирижер первого представления **Валерий Гергиев**, второй спектакль провел ассистент **Туган Сохиев**.

Онегин — В. Мороз, **Татьяна** — И. Матаева, **Ленский** — Е. Акимов, **Ольга** — Н. Евстафьева, **Гремин** — М. Кит, **Няня** — О. Макарова-Михайленко, **Ларина** — С. Волкова.

Мариинский театр неоднократно обращался к шедевр Чайковского. В разные годы над ним работали художники М. Бочаров (1884), В. Дмитриев (1929), Т. Бруни (1945); режиссеры П. Оленин (1920), И. Шлепянов (1945); дирижеры А. Гаук (1929), Б. Хайкин (1945), Ю. Темирганов (1982). Последняя по времени постановка «Онегина», осуществленная п/р Ю. Темирганова, который был и дирижером, и режиссером спектакля, шла на сцене театра около 20 лет.

В схеме сцены выполнена как традиционный белый пустой куб, но на деле в нем такой баланс определенности и пластики, строгой непроницаемости плоскостей и мягкой геометрии приемов, что традиционность отступает и позволяет обнаружить основному достоинству спектакля — интонации. Она деликатна, камерна, трепетна и

просто невозможно проникновенна. По-детски и до слез. Ее истоки лежат в традициях интимного французского кино, с одной стороны, и не в поэзии Пушкина даже, а скорее в прозе Тургенева — с другой. Интересно, что преспокойно отдаваясь от Пушкина, постановщики неожиданно, словно в обход, приближаются к Чайковскому...

Кроме своей нежной, осторожной чувственности, спектакль обращает на себя внимание еще одним: для Мариинки больше характерен стиль, при котором основной драматургический вес приходится на долю гергиевского оркестра. Именно он обычно больше всех страдает, возбуждается, пылает, конфликтует и изнывает.

Здесь, при всей виртуозности своего звучания, при всей темповой пластичности и тембральной мягкости, оркестр наконец-то оказывается одним из участников общего театралного ансамбля. А это уже нечто если не совершенно новое, то редкое и ценное для Мариинского театра» (Ю. Бедерова, «Время новостей»).

«Скептики (признаться, я из их числа) сомневались в успехе иноземного прочтения русской оперы. После премьеры надо признать, что взгляд со стороны бывает необходим. А если вспомнить, что свое любовное послание пушкинская Татьяна писала по-французски, то союз с постановочной бригадой из Франции окажется прямо-таки предначертанным свыше» (Е. Алексеева, «Культура»).

«Все самое захватывающее режиссеры приберегли для третьего акта, где не оказалось ни хрустальных люстр, ни белых колонн, ни вообще гриминского бала как такового. Хрестоматийный полонез превратился в гипердраматическое вступление к третьему акту. В. Гергиев, до того момента выполнявший роль прекрасного чуткого аккомпаниатора, обрушил на зал всю оркестровую мощь Чайковского, которая тут же превратила нежные «лирические сцены» в страстную трагедию. Занавес открылся, и выяснилось, что Онегин топчется у парадного подъезда, так и не отважившись войти внутрь. И все объяснения и прозрения случились среди пышных снегов, на петербургском морозе (французам не смогли отказать себе в удовольствии устроить меховое дефиле). Правда, Онегин мороза не замечает и нетерпеливо выслушивает вokalно неудавшийся рассказ генерала о том, что «любви все возрасты покорны».

Последняя встреча Татьяны и Онегина тоже происходит на улицах зимнего Петербурга, в снегу по шиколотку, на фоне страшного черного неба, будто сцена у Канавки из все той же «Пиковой дамы». И кажется, еще один нечаянный такт в финале, и Онегин бы застрелился...» (М. Бабалова, «Новые известия»).

«Мир культуры» — 2008 — 10 (107) — с. 9